

Людмила Стракович

Прозаик, драматург, журналист. Родилась в г. Кандалакша Мурманской обл. Закончила ЛГИК им. Н. К. Крупской (библиотекарь-библиограф) и ВКШ при ЦК ВЛКСМ (журналист). Работала корреспондентом, редактором отдела в областной газете. Публиковалась в изданиях: «Комсомольская правда», «Мурманский вестник», «Комсомолец Заполярья», «Рыбный Мурман» и др. Проживает в Санкт-Петербурге. Участница межрегиональной творческой мастерской для писателей Северо-Западного федерального округа в г. Великий Новгород (август 2023 г.). Финалист 37-го Международного конкурса современной драматургии «Время драмы, 2023, лето» (в двух номинациях). Участница семинара «Трагикомические понедельники» от секции драматургии при Союзе писателей СПб. Публикуется в журнале «Сценарии и репертуар».

Почудилось, бумер!

Нет, беспощадное эмиратское солнце сегодня не обжигало. Небо было покрыто плотной пеленой светлых облаков, которые надежно оберегали посетителей пляжа от опасных полуденных лучей. Что было как нельзя кстати, ведь очень хотелось без негативных последствий обнажить свое бледное тело, а еще, если позволит прогретость воды, окунуть его в неизвестном доселе Персидском заливе. Стоп! Не далее, как вчера экскурсовод мне поведал, что местные жители очень не любят название «персидский» и предпочитают величать примыкающую к берегу акваторию Арабским заливом. По мне — разницы никакой, лишь бы купаться было тепло, однако гид Алекс на уточнении настаивал. Да и ладно... как скажет.

Немолодой русскоговорящий уроженец Узбекистана мне показался весьма приветливым и даже наивным. Он сразу же рассказал, что живет в Эмиратах больше двадцати лет, но имеет лишь временную регистрацию, местный язык так и не выучил, общается на английском. Еще похвастался, что заработал и купил в Дубае жилье, оброс партнерами

и друзьями. В гига он переквалифицировался из бармена, и это было заметно, ибо талантом рассказчика наделен сопровождающий не был, а всю информацию выдавал хаотично. Повозил меня на арендованном авто по невероятно красивому городу из стекла и бетона, потыкал пальцем по сторонам, оправдывая звание гида на нагрудной карточке, как водится, затащил к явно прикормленным торговцам «золотом и бриллиантами» на местном рынке. Денег за свои труды запросил немеряно, при этом был очень важен.

— Вы на пляже поосторожней будьте, — посоветовал мне в завершении трехчасового променада. — На днях в районе Дубай Марины поймали двух любителей вскрывать чужие дамские сумочки.

— А разве Эмираты — не одно из самых безопасных мест на Земле? — задаю явно глупый вопрос, просто — из вредности.

— Полиция здесь работает хорошо, но в город ежегодно приезжают больше пятнадцати миллионов туристов, — на автомате отвечает Алекс, видимо, готовый к провокационному диалогу. — А нас, местных жителей, почти в шесть раз меньше. Всякое бывает.

Ну, да... разница очевидна. Примерно такая же, как между заезжим узбеком и этническим арабом. Соглашаюсь: пусть мой провожатый мнит себя здешним, возможно, ему и есть чем гордиться. В любом случае прогулка была познавательной.

И вот я уже рассекала по восхитительному, а заодно и бесплатному пляжу почти на окраине города. Широкая песчаная полоса вдоль побережья в выходной мартовский день была напичкана счастливейшей жизнью. В поле зрения смешались полуголые миниатюрные девицы европеоидной расы, достаточно загорелые стареющие особи мужского пола, молодой темнокожий молодняк, а еще — арабские женщины в черных одеждах с большим количеством непривычно тихих детей. Сновали продавцы пляжных услуг, слышалась музыка, величественно плыл по зыбкой почве двугорбый верблюд в поисках пассажиров... Все были независимы друг от друга, оттого легки. С моря дул нежный бриз, и, несмотря на пик тридцатитрехградусной жары, песок на пляже не казался обжигающим, как на остальных многочисленных курортах мира, был он сказочно теплым, нежным и обволакивающим... Почему-то подумалось: ну разве такое возможно?

Пляжную идиллию со стороны города нарушали огромные силуэты современных строений. Казалось, что уходили куда-то в небо макушки жилых домов, фешенебельных отелей, офисных и торговых центров, вместе с пристроенными к ним ресторанами и магазинами. Их было так непростительно много, что вся береговая часть на миг показалась маленькой и уютной. Ласкало слух милое шуршание неторопливых волн,

вовсе не раздражал негромкий смех отдыхающих, их чудный лепет на разных диалектах мира. В блаженство не вписывались разве что шеренги пустых лежаков, чуть вдали от захода в воду, с неоправданно высокой ценой на аренду. Снести бы таковые за ненадобностью — и сколько прекрасного и нужного места на пляже могло появиться! Но... предполагаемая выгода превышает всего.

Ищу свободный пятачок поближе к воде, что совсем не просто. И там сидят, и тут уже чьи-то пожитки. А мне бы найти местечко на заметном расстоянии от соседей, дабы одежда и сумка видны были издалека. Вдруг искупаться захочется. Пристраиваюсь между загорелыми дамами с каким-то неаполитанским диалектом и молодой парой, внешне похожей на китайцев. Раздеваюсь, минут десять стою на месте, затем решаюсь пройти к воде. Расстояние — не больше пяти метров, но я почему-то пчусь, стараясь не выпускать из видимости свое добро. Вдруг Алекс не просто пугал?

Море оказывается волшебным. Ни малейшего ощущения холода, все тот же мягкий песочек на дне... А как вода невероятно чиста и прозрачна! Невольно опускаю глаза: мелкие камушки, осколки ракушек и кораллов, стайка бесцветных крохотных рыбок... По ощущениям — градусов двадцать семь. Купающихся на удивление немного. Почему-то было приятно, что никто не обдаст тебя слева морскими брызгами своего счастья, а в правое ухо не закричат: «Сережа, подгребай к нам!» Продолжаю пятиться, при этом чувствуя себя вполне комфортно. Ну вот, всего пару метров, — и ты почти по колено в воде. Что за блаженство... так хочется повернуться и плыть. Куда-то за край этого Арабско-Персидского залива, наслаждаясь свободой и упруго-соленой стихией. И зачем бравый узбек намедни страстей наговорил?

Минут пять стою, не шевелясь, потом заглядываюсь на милovidную девчущку в излишне цветастом наряде с яркой косынкой на голове, в солнцезащитных очках. Она как-то выбивается внешним видом из царящего вокруг неторопливого великолепия. Подумалось: и зачем только люди разгуливают в одежде по пляжу? Ведь явно не только что пришла, и в руках ничего не держит...

Между тем милое создание направилось прямо в сторону моих вполне себе одиноко стоящих вещей. Подошла и встала в опасной близости! Ни европейские леди, ни этнические китайцы даже не обратили внимания на явное омоложение своей случайной пляжной соседки, причем лет эдак на сорок. А храбрая барышня продолжала стоять на моей исходной позиции, оглядывая окрестности уверенным взглядом, точь-в-точь, как я — десятью минутами ранее. Поди — и не поверь, что разложенное на песке богатство вовсе не ее!

Дальнейшие действия совершались синхронно: я сделала большой шаг в сторону берега, а юная особа нагнулась над моим дамским аксессуаром. Мой второй выброс ноги оказался в унисон с ее протянутой к сумке рукой. Я прибавила скорость, но девушка вдруг разогнулась, беспомощно закрутила головой и стала пятиться. Еще две секунды — и мы с ней почти столкнулись.

— Это... ваша сумка? — неуверенно спросила красотка на чистейшем русском языке.

Хотелось ответить ей под стать: нет, может стырим ее вдвоем? Боюсь, юмора не поняла бы...

— Моя! — наклоняюсь к своей поклаже, спутать которую с чьей-то еще, думается, нельзя даже в самую непроглядную ночь, тем более столь юной персоне. Плотнее застегиваю молнию на вожделенном для кого-то кармашке.

— А я свою найти не могу... — слышится где-то сзади ложно наивный голос.

Лучше бы пропавшую совесть отыскать попробовала, проносится в моей голове. Оборачиваюсь, дабы выразить неискреннее сочувствие по поводу возможной потери, но милой растяпы как будто и не бывало. Кручу головой, пытаюсь отыскать среди отдыхающих яркой до аляповатости силуэт... Однако в ближайшем окружении нет ни ее, ни бесхозных вещей, даже приблизительно похожих на мои. К своему удивлению, понимаю: описать юное личико никогда не могу! И почему я вообще решила, что она — премиленькая?

Да-а... Сработано безуспешно, зато — в высшей степени профессионально. Отменный у девчухи напарник, по-видимому, невдалеке находился: мгновенно определил исходящую от меня опасность и дал подопечной отбой, оттого обшарить заданную цель она так и не успела. Ну что ж, причин для паники нет. А вдруг «мамзель» и вправду ошиблась? И со страной, в которой еще до недавнего времени вора́м отрубали руки, и с нынешним преступным наставником, подталкивающим неопытное создание к весьма сомнительному занятию. Повезло лишь в том, что не попалась сегодня... А завтра?

Вот мы в ее возрасте... откуда-то изнутри прорвался въедливый голос... сидели за партой в старшем классе какой-нибудь подмосковной школы и старательно рисовали простейшую геометрическую фигуру — ломанную линию, например. Понятия не имели, что есть в мире хотя бы одна ждущая нас страна, кроме Болгарии, и совсем не догадывались, что ярко-контрастная одежда отвлекает внимание от лица, а значит, может быть использована мошенниками в корыстных целях. Ни к чему это было поколению «бумеров», вроде так социологи нас окрестили. Эх... ими родились, такими же и помер.

Еще раз обвожу глазами благодушных иноземных соседей. Вот и солнце уже собирается выйти из-за облаков, в воздухе по-прежнему растворяется нега. Как там у Блока: «Какой-то вышний серафим принес мне чудных звуков море»? Теперь, пожалуй, можно и поплавать...

Я увидела ее снова два дня спустя в зоне вылета самолетов Дубайского аэропорта. Приехала туда за четыре часа до своего рейса, зарегистрироваться не стала, походила по гигантскому комплексу и, обнаружив маленький свободный столик в полупустом кафе, разместилась на мягком диванчике, заказав себе бамбл. Каким необыкновенно вкусным показался тогда кофейно-апельсиновый микс, да еще после уличной жары! Эх, что только не придумают современные баристы для продвижения в массы культуры потребления и без того обожаемого всеми продукта!

А выглядел напиток действительно бомбически, поскольку подавался в высоком прозрачном бокале с изящной ножкой и большой ручкой. Сразу же бросалась в глаза ярко-оранжевая полоска сока снизу, над ней — коричнево-шоколадного цвета эспрессо, в остатках пенки которого, на самом верху — кубики льда, пока еще поддерживающие выступающую наружу бледно-розовую трубочку в виде спирали; ну и, конечно, разноцветный бумажный коктейльный зонтик над всем этим благолепием — как без него? Столько стараний над созданием всего-то одного вкусового изыска! Тут же подумалось, что любой из напитков хорош и сам по себе, зачем все эти премудрости? В нашем детстве, например, обычный кофе являлся неимоверным дефицитом, о существовании апельсинового сока мы вовсе не слышали, поскольку в гастрономе на розлив продавались только томатный, яблочный и березовый. Пили из граненых стаканов и были счастливы непомерно! Боже мой... опять в архаику потянуло... Ловлю себя на дурацких старушечьих мыслях и злюсь. «Радоваться нужно современным фраппам и фрешам, да еще вкушаемым в одном из самых продвинутых аэропортов мира!» — заметил вполне справедливо, не особо едкий сегодня внутренний голос, и я перевела взгляд с недопитого кофе на окружающую действительность.

Огромнейший терминал, как растревоженный муравейник, был полностью забит снующими по разным направлениям людьми. Точнее, движение каждого пассажира было, конечно, продумано и оправданно: одни торопились на регистрацию, другие — уже в зону вылета, кто-то упаковывал неподъемные чемоданы, а оставшиеся без тяжелого багажа счастливички бродили по многочисленным торговым точкам аэропорта в поисках дешевой еды или мелких сувениров, возможно, пытаясь потратить последние теряющие нужность дирхамы. Беспо-

койней всего вели себя дети, что виделось абсолютно закономерным, и дело было не только в изнурительном ожидании предстоящего вылета. Думаю, подстегивало малышку к проявлению бурных эмоций еще и чрезмерно яркое внутреннее убранство самого аэровокзала. Ну, как не пробежаться по белому глянцевому покрытию пола, на котором местами, как искорки, отражались огоньки потолочных светильников? Или не потереться о блестящие бока многочисленных металлических колонн, подпирающих сложную конструкцию стен и перекрытий? Здесь и вправду, словно в новогодней арабской сказке, повсюду царил зеркальный блеск, неумолимо манящий к себе игрой отражений. В общую какофонию непривычного глазу великолепия вплетались цветные витрины и сверкающие стекла, сенсорные панели и огромные экраны плазменных телевизоров, даже пальмы, растущие в кадках прямо посреди огромных проходов и залов, были подсвечены. Ну, разве не импульс к движению и позитиву? Хотелось быстрее идти, громче разговаривать и смеяться, раскинуть руки, пытаюсь объять льющийся на тебя свет. Дети именно так себя и вели, сопровождая бьющую изнутри непосредственность протяжным криком или прерывистым плачем. Может, устроители этой помпезности все же перестарались? Во мне опять проснулась скрипучая особа, отставшая на пару десятилетий от ошеломляющего прогресса небольшой ультрасовременной страны. А вот для местных жителей, думается, все это великолепие — повседневная норма...

Глазами выхватываю из толпы обычную арабскую семью, благо узнать коренных поселенцев довольно легко: женщина — в черном с макушки до ног, придерживает коляску с младенцем, машинально прижимая к себе второго ребенка, лет четырех, прячущегося в складках ее свободного платья; мужчина — в белой тунике, с неизменным красно-белым платком на голове и двумя чемоданами рядом, стоит немного в стороне от жены, как бы в сопровождении. Они спокойны и беспристрастны, поскольку окружающая помпезность вовсе не является для них чем-то особым. Рядом примостились китайцы, их можно определить с любого расстояния — говорят чересчур громко, еще энергичней жестикулируют, примерно одного роста и телосложения, все — в спортивных костюмах. Они совсем не интересны...

Взгляд перемещается на входные двери, автоматически пропускающие вновь прибывающих пассажиров. Вошел выразительный человек в белом летнем костюме, такого же цвета тюрбаном на голове, окладистой бородой и светло-коричневым цветом кожи. Похож на очень обеспеченного индуса, подумала я, оценив, с какой легкостью он передвигал возле себя два больших брендовых чемодана на крепких колесах.

Следующим появился десятилетний мальчишка в майке и с цветастым рюкзаком за спиной, потом — полная яркая женщина с кучей сумок, за ней — две моложавые дамы, эффектного вида бабуля с не менее впечатляющей спутницей и еще три или четыре юных особы, больше похожих на студенток. Они смотрелись организованной группой туристов, доставленной в аэропорт на микроавтобусе в рамках оплаченного трансфера.

— Павлик, сына, никуда не беги, — вдруг прокричала вслед хозяйну пестрого ранца, уже затерявшемуся в толпе, его грузная мамаша. — Наша регистрация еще не началась, Рамиль дал команду не расходиться и ждать всей группой в одном месте.

Мои сородичи и впрямь разбредаться не стали, а, выбрав одну из массивных колонн, совсем недалеко от моего столика, моментально обложили ее дорожными вещами.

— Маргариточка, — запрыгала возле яркой дамы одна из моложавых женщин в топики и ярко-голубых джинсах, — мы с Витой в женскую комнату сбегать хотим, вы не присмотрите за нашими сумками?

Тучная мамаша согласно машет рукой, даже не оборачиваясь к просящей даме, потому что ей весьма некогда — снимает пестрый рюкзак с загорелых плеч вынырнувшего из толпы сына, расстегивает его и начинает там что-то искать. Выразительная старушка со своей спутницей, обмахиваясь платочками, занялись изучением табло, а студентки сразу же зависли в своих телефонах.

Похоже, что рейс у нас будет один, подумала я и потянулась за стоящим на столике напитком. Успела поднять бокал, но так и не сделала ни глотка. Я просто остолбенела от неожиданности! От входных дверей терминала, точно по направлению к группе так и не появившегося здесь Рамиля, шла моя недавняя пляжная знакомая! Она была все в той же аляповатой одежде, с прежней яркой косынкой на голове, в давешних солнцезащитных очках, закрывающих практически все казавшееся миловидным лицо, и с огромной холщовой сумкой в руках. Поразительно обезличенный образ! Даже цвет волос было не понять... Неужели ее напарник, явно находившийся где-то поблизости, так быстро определил высокую степень беспечности расположившихся рядом со мной соотечественниц? Только он ведь мог отправить подельницу именно сюда.

Алгоритм ее поведения я уже поняла. Вот сейчас подойдет к злополучной колонне, выберет сумку попривлекательней, задержится рядом с ней на пару секунд и... начнет становиться одной из команды, такой же беспечной и невинной, благо особых наблюдателей нет. Затем уронит сумку прямо на облюбованный чей-то багаж, на что никто из стоя-

щих рядом внимания не обратит, наклонится, чтобы поднять... и будет рыться с растерянно-отвлекающим видом уже не в своих вещах.

Невероятно, но все происходило именно так! Вот ее силуэт уже появился среди «залипающих» в интернете беззаботных барышень, которые «чужака» решительно не замечают. Не обращает внимания на красотку и сердитая родительница Павлика, уже усевшегося на глянцевый пол и что-то от нее требующего. Продолжают изучать табло интеллигентные старушки...

Вот из рук милой плутовки падает сумка, из нее что-то вываливается, и она тут же приседает, чтобы поднять свои вещи, но встать отчего-то не торопится... Вот каналья!

— Девушка, — кричу я неожиданно громко, привстаю с дивана и делаю несколько шагов по направлению к ней. — Это вы свой коктейль не допили?

Я показываю вздрогнувшей от неожиданности актрисе с единственным, в моем лице, зрителем бокал с разноцветным напитком. Милашка подскакивает, тут же начинает движение от колонны и, на ходу прикрывая холщовую сумку, пренебрежительно кидает в ответ: «Почудилось, что ли?»

Решительно все подопечные таинственного Рамиля оглядываются на мой голос не то с любопытством, а может, с пренебрежением, потом провожают взглядами размытые очертания покидающей их девицы и снова переключаются на свои более важные занятия. Наверное, я и впрямь выглядела слегка странной. Ну, кто по сегодняшним временам будет активно искать хозяина пусть даже трижды недопитого фужера? Конечно, только бумеры... Конечно, почудилось!